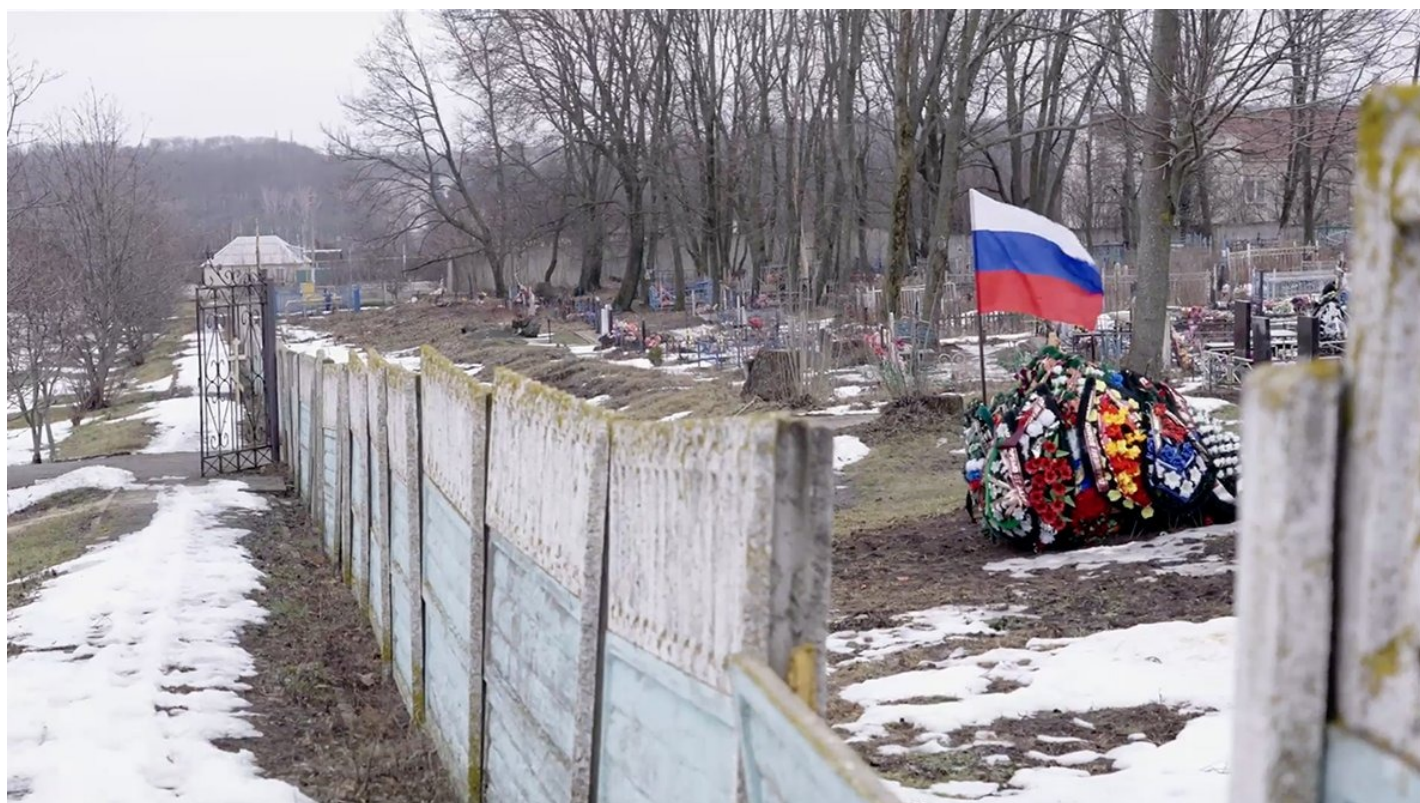

Бантик в могилу

Реквием по погибшим мирным жителям. Истории, рассказанные их родными

Кадр из [документального фильма](#) Анны Артемьевой и Ивана Жилина «Невыносимо громко»

07:09, 17 апреля 2024,

Иван Жилин, Анна Артемьева

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Предисловие

Я начинаю писать этот текст в гостинице, вечером 16 марта, когда Белгород вновь под обстрелом. В небе грохочут раскаты. По городу сегодня — как и вчера — есть попадания и уже известно о погибших и раненых. В телефоне — сообщение от МЧС: «На всей территории Белгородской области ракетная опасность! По возможности оставайтесь дома. Не подходите к окнам».

Губернатор Гладков в новостях говорил о двух погибших: известно только, что это мужчина и женщина. Я видел, как напуганная семья с ребенком лет шести бежала сегодня под звуки выстрелов и взрывов по улице. И они добежали до убежища. В этот день они смогли спастись.

Люди в Белгороде просят о защите, просят об эвакуации, о любой помощи. И все они, все, кто прячется в укрытиях, кто молится и вздрагивает от выстрелов, все знают, что сейчас в соседнем Харькове — тоже взрывы. Люди там тоже боятся и прижимаются к стенам.

И все ждут, что завтра будет то же самое.

Газета «Коммерсантъ», признанная в России системообразующим СМИ, пишет: за последние два года в зоне боевых действий погибло 10 582 мирных жителя. 19 875 были ранены. Я знаю, что в эти подсчеты не входят мирные, погибшие на территории Белгородской, Брянской, Курской областей и Краснодарского края. Их, по заявлениям чиновников, на сегодня 183:

- 16 курян,
- 17 краснодарцев,
- 19 брянцев,
- 131 белгородец.

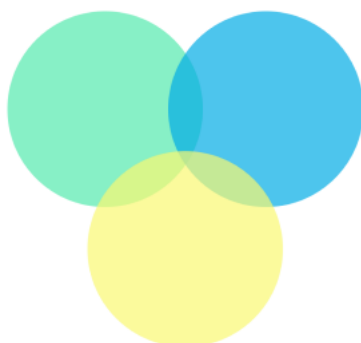
У меня нет возможности поехать на территории, где введено военное положение. У меня нет возможности поехать к людям по другую сторону фронта. Но я хочу рассказать о погибших мирных. И я буду рассказывать о тех, о ком могу. Мне кажется, что боль их родных очень похожа во всех городах.

Солдат выбирает риск, он знает, что с ним может произойти, но студент, бухгалтер, строитель, пенсионер, медсестра, годовалый ребенок — не выбирают осколок, не выбирают пулю, не выбирают снаряд.

Истории людей, с которыми я общался, заставили меня впервые за многие годы плакать. И мне сложно представить, сколько этих слез — и куда более горьких — сейчас льется повсюду. И никому и нигде они не приносят облегчения...

Здесь был мультимедиа-элемент

Чтобы посмотреть его, перейдите по ссылке ниже

ОТКРЫТЬ ПОЛНУЮ ВЕРСИЮ МАТЕРИАЛА

Не забудьте включить VPN если вы в России

Фильм спецкоров «Новой газеты» из этой командировки смотрите на [Youtube](#).

История I

«Хоть бы сказали: "Мать, мы тебе соболезуем»

Ейск — 82-тысячный курортный город на Азовском море. Прямо напротив него, на северном берегу Таганрогского залива, стоит Мариуполь. В хорошую погоду два города видят друг друга.

В некурортный сезон Ейск — будто спит. Людей на улицах мало, многие кафе и магазины закрыты. 17 октября 2022 года было таким же сонным днем, и вдруг вечером, около 18.25, в самом центре города прозвучал взрыв. Этот момент СМИ позже будут называть катастрофой Су-34 — истребителя-бомбардировщика, тремя минутами ранее вылетевшего с военного аэродрома. Но на деле — этот вечер стал катастрофой для восьми семей, близкие которых погибли.

По официальной версии, после набора высоты у самолета загорелся двигатель — ТАСС со ссылкой на силовые структуры [сообщил](#), что в него попали две чайки. Бомбардировщик начал падать и врезался прямо в девятиэтажный дом на улице Коммунистической, 20/1. Погибли 16 человек.

Семеро погибших были одной семьей.

Александр Ищенко было 50 лет, его супруге Галине — 49. Их сыну Антону — 20, а дочери Наталье — 26. У Натальи было три ребенка: Ване — 9 лет, Нине — 8, а самому младшему, Коле, всего 5.

Кадр из документального фильма Анны Артемьевой и Ивана Жилина «Невыносимо громко»

Мама Александра Любовь Кирилловна. Кадр из документального фильма Анны Артемьевой и Ивана Жилина «Невыносимо громко»

Теперь семь их могил стоят за отдельной оградой на новом городском кладбище. И каждый месяц, иногда не по разу, на них приходит пожилая женщина — мама Александра **Любовь**

Кирилловна.

«Здравствуй, сынок. Улыбаешься? — говорит она, протирая платком портрет сына на надгробном кресте. — Здравствуй, Наташенька, внученька моя, — идет к соседнему захоронению. — Здравствуй, Ванечка. Вообще не видно вас, нужно подписывать. Вот и Ниночка наша покоится... Дети жить не жили еще. Николаша... Николаша...»

Комната Любви Кирилловны в старой мазанке в поселке Краснофлотский — теперь мемориальная. Каждый день на протяжении полутора лет она зажигает у расставленных вдоль стены портретов свечи. И молится за упокой.

Вот рассказанная ею история:

— Саша у меня мебельщиком был. Он мебель делал под заказ: хорошо — люди не обижались. Руки у него золотые были: ремонты делал. Официально-то он не работал, потому что Антоша — сын их — инвалид, и его надо было к врачу возить, а жена, Галя, сама не смогла бы его поднять. Галя всю жизнь с инвалидами работала, помогала им — сестрой-хозяйкой в интернате была. Наташенька в магазине работала, а дети... дети в школе учились. Ванечка ходил в третий класс, Нина — во второй, а Коля... Коля еще только в садик ходил.

Что это произошло, я узнала от сестры, живущей на севере. Та позвонила и спросила: «Люба, ты телевизор смотришь?» Я говорю: «Что там?» Она и сказала: «На ваш дом самолет упал». И я тогда начала звонить в МЧС: «Скажите хоть что-то». Отвечают: «Мы справок не даем. Обращайтесь в милицию». Я туда звоню: «Обращайтесь в МЧС». Никто ничего не говорил. Потом пришел Кирюша — внук от другого сына, Андрея. Заходит и говорит: «Бабушка, их нет». Все, у меня истерика, горло перехватило. Вывели на воздух, я все звонила Андрюше: «Пойду на опознание». Он говорит: «Нет, мам, я не хочу восьмого гроба». И

Андрюша сам пошел, но один раз он опознал не того мужчину. А потом позвали еще раз. Показали ему ноги, он говорит: «О, наши пальчики...» Что у меня, что у него пальцы одинаковые. И у Саши...

Они погибли не сразу, не от взрыва. Самолет врезался в четвертый этаж, а они выше жили. Саша даже позвонил дочери наших кумов, которую должен был встречать на вокзале, и сказал, что не сможет приехать. Потом ему еще Андрюша звонил — Саша сказал, что перезвонит позже. Они ждали спасателей, а дом заволакивало пожаром. Но у нас в городе, как оказалось, нет пожарных лестниц, чтобы до девятого этажа спасти людей. Пока с Каневской пришла бригада, пока они тушили...

И в первую очередь тушили самолет... Андрюша говорил, что Наташа как сидела в спальне — детей накрыла собой, так одна сторона только цела осталась у Вани и у Нины. А Коля между ног у нее был. И один Коля не обгорел...

Пилоты катапультировались, но я их не виню. А что их винить? У них приказ. У них приказ, они выполняли. Им сказали прыгать, они прыгнули. Мы ездили со старшим сыном в воинскую часть. Ездили к тем пилотам — они в госпитале лежали. Купили им мандарины, апельсины. Но нас не пустили туда. Лежали они, их должны были отправить то ли в Краснодар, то ли в Москву. Ну хоть успели мы передачку им сделать, чтоб поели они... Они сами с Дальнего Востока откуда-то. Хабаровские вроде. И вот оттуда прислали самолет в связи с этой Украиной. И вот они... Минуты, минуты бы им хватило увести самолет в лиман. И никто бы не пострадал. А они летать теперь не смогут, инвалиды тоже.

А Министерство обороны — да, на них есть обида: за то, что никто на похороны к нам не пришел. Чего уж там, судимся мы с ними сейчас за квартиру, за моральный ущерб. Бесполезно, конечно. Но хоть бы приехали они, сказали: «Мать, мы тебе соболезнуем». Знают ведь, где живу. Хоть бы просто приехали... Я военных видела, только когда девочку хоронили, которая последняя умерла. Вот тогда они пришли, их много пришло. А у нас никого не было.

Любовь Кирилловна. Кадр из документального фильма Анны Артемьевой и Ивана Жилина «Невыносимо громко»

Хоть в петлю лезь и ложись рядом. За что хоронить семь гробов? Как это вынести? Я племянницу попросила: «Лена, деткам костюмчики купи: Колечке к школе нужно готовиться, Ванечка в школе уже. Ниночке — платье нужно, и купи ей бант: не надо цеплять, я знаю, что там волос может не быть».

В администрации города нам сказали, что компенсация мне только за сына положена. Дали 1 миллион рублей. А про других сказали, что они не родня мне: ни внуки, ни правнуки. Я говорю: ладно, невестка других кровей, а внуки и правнуки-то

наши ведь? Нет, не положено. Ну, не положено — не положено. На миллион я памятники сделала. Сказала, что пока не поставлю их — сама не умру. Почва еще не осела, рано пока их ставить. Семь памятников купила. Там дом нарисован и самолет в дом входит, и семь голубей вылетают — их души.

Единственное, помогли нам похоронить. Похоронили нас. Администрация города помогла и с поминками, и со всем. Холодильник выделили депутаты — двухкамерный.

Так долго этот аэродром стоял пустой. Лишь как Украина началась — стали летать они. Ну что теперь — победа за нами будет. Если украинцы пойдут на мирные переговоры, то, по моему, у нас Путин всегда готов. Я говорила своим уже, что как бы его ни ругали, но, может, это он и держит мир. Может, только благодаря ему у нас тут и нет ***. Да, в Белгороде страшно, но здесь, в Ейске, все-таки спокойно.

Людей везде жалко: и в Белгороде, и в Украине. И детей их жалко, и стариков. За что это простым людям-то?

Поврежденные секции дома 20/1 на улице Коммунистической жители Ейска просили не восстанавливать — писали письма в администрацию города с просьбой организовать на их месте мемориал. Чиновники, по словам Любви Кирилловны, сначала соглашались, а потом — все же решили отстроить два подъезда и вновь заселить туда людей.

В качестве мемориала во дворе высадили деревья. Их подвязали бечевками и явно за ними ухаживают.

Когда я ходил возле дома, над городом снова летел военный самолет.

Белгород. Кадр из документального фильма Анны Артемьевой и Ивана Жилина «Невыносимо громко»

История II

«Я понимаю, что они не вернутся. Но вдруг?..»

30 декабря 2023 года Белгород подвергся самому масштабному обстрелу за все время российско-украинского конфликта. Около 15.10 в центре города раздались взрывы. Погибло 25 человек, 108 — получили ранения.

За последние три месяца в регионе **погибли** еще десятки людей, но именно 30 декабря перевернуло всю жизнь 300-тысячного Белгорода, сделав его прифронтовым. После тех событий на улицах начали ставить железобетонные укрытия, люди перестали гулять и стали вслушиваться в звуки — чтобы не дай бог не пропустить свист приближающегося снаряда или вой сирены, предупреждающей об опасности. Стали отличать «вылеты» от «прилетов».

Если в Белгороде говорят «тот день» — все безошибочно понимают, какой.

Но тогда, 30 декабря, никто еще не вслушивался в звуки, не боялся гулять, и все просто готовились встречать Новый год...

***

Надежда и Дмитрий Ряполовы были успешными людьми. Он работал директором «Белводоканала», она — экономистом в той же организации. Вместе объехали полмира: от Африки до Северной Америки. А познакомились в небольшом селе Казацкое, что в 34 километрах от Белгорода: Надежда гостила у родителей, а Дмитрий приехал к друзьям. Так и встретились.

2 декабря 2022 года у них родился сын Герман. Ребенок был долгожданным.

Дмитрий и Надежда Ряполовы с сыном. Фото: из семейного архива

30 декабря семья вышла на прогулку за час до обстрела.

Уличные камеры наблюдения запечатлели последние секунды их жизни — снаряд разорвался в считанных метрах от них.

Теперь вся семья похоронена на небольшом кладбище в селе Казацкое, что в 34 километрах от Белгорода. Здесь на их могилу каждый день приходит мама Надежды **Наталья Викторовна**.

— У меня погибли дети. Моя дочь, мой зять и маленький внук Герман — 2 декабря ему только исполнился годик.

Мама Надежды Наталья Викторовна. Кадр из документального фильма Анны Артемьевой и Ивана Жилина «Невыносимо громко»

В обед мы с Надей разговаривали по телефону: было 13.03. Они были веселые, они покушали, говорят: мы погуляем, придем, будем укладывать Герочку спать. Но они не вернулись с прогулки.

Я хотела, чтобы они приехали сюда, в Казацкое, на Новый год.

Они должны были приехать 1 января, но я просила раньше — потому что с 29 на 30 декабря в Белгороде было громко: они ночью прятались в ванной. Я говорила: «Дочь, приезжайте лучше сегодня». Она: «Мам, все будет хорошо, не переживай, мы 1-го приедем». Все должны были приехать: старшая дочь Света с детьми, внучка из Питера на каникулы. И они.

Ну а потом... Муж у меня был в городе как раз в момент «прилета». Он слышал эти взрывы. И он начал звонить Надюше. Мне звонил и Наде. Они не отвечали. Ну, мы подумали: может, куда-то в убежище [зашли] или где-то еще спрятались. Я звонила Диме, Наде, Диме, Наде. Но они не отвечали. Им все звонили, но мы их не могли нигде найти.

Потом старшая дочь Света начала искать их в больницах, и... нам сказали, что они погибли. Только Герочка еще немного жил, но спасти его не смогли. Я до сих пор не могу понять, куда они ходили. Что-то хотели купить, наверное. Взрыв этот сразу виден на камере, а потом уже они лежат, а коляска стоит.

Надежде Ряполовой было 33 года, Дмитрию — 41. Все, что осталось теперь от их семьи — это фотографии, цветы в квартире, которые Наталья Викторовна до сих пор ходит поливать, игрушки Германа и две кошки, одна из которых — инвалид.

— Они где-то в интернете вычитали, услышали, что в Москве кто-то купил маленького котенка — мейн-куна полидакта. И он упал с седьмого этажа и сломал себе позвоночник. Хозяева принесли его усыпить, но в клинике отказались это делать и взяли его к себе. И вот Наде с Димой стало очень жалко кошечку, они сели в машину, поехали в Москву и забрали этого котенка. Научились за ним ухаживать.

Кадр из документального фильма Анны Артемьевой и Ивана Жилина «Невыносимо громко»

Когда они уезжали, они привозили обеих кошек сюда. Я еще и ссорилась с ними, потому что этот мейн-кун проблемный. А теперь — мне предлагали его усыпить, а я не могу этого сделать. Никогда не смогу, потому что они его очень любили, и, мне кажется, дети мне не простили бы, если б я что-то с ним сделала.

Ну так и будем теперь: детей нет, внука нет, а кошки есть. Только кошки и еще куча цветов. Очень много цветов в их квартире: разные, большие, цветущие. Сейчас все орхидеи у Нади зацвели. В квартиру очень страшно заходить: знаете, они покушали, чай попили, ушли гулять, и Герочкина футболочка, Димины одежда домашняя, Надюшин халатик — все осталось на местах. Чашки с лимоном — чай с лимоном пили. Лимон высох в чашке.

Такое ощущение, что они должны вернуться. Но они... Я, правда, надеюсь, что... нет, я понимаю, что они не вернутся, но мне все

кажется — а вдруг?.. Это так страшно, так не должно было быть, понимаете? Родители не должны хоронить своих детей и внуков.

Герочка в одном гробу с Надюшей... Я как-то сказала ей: «Надя, тебе, наверное, тяжело носить Герочку на руках». Надюша худенькая у нас была. А она говорит: «Мама, знаешь, если бы мне не нужно было готовить и убирать в доме, я бы его никогда с рук не спускала». Вот так они и ушли все вместе...

Жизнь разделилась на «до» и «после». У нас в семье есть свои традиции, свои устои. Мы всегда Новый год праздновали вместе. Всегда варили вареники — с разными начинками, сюрпризами. Чего только в них не клали. Все этого ждали, все хотели: «Ну, с чем попадетса?» «Попалась нитка: ой, мы в путешествие!» «Фасоль — это к ребенку». Надя все искала фасоль: «Мама, ну положи, мне попадетса».

А теперь никаких праздников. Никакие праздники не нужны, если б только они вернулись. Если бы они были с нами.

И маленький, понимаете, он только начал ходить. Он в 11 месяцев пошел, а потом ударился, испугался и как-то начал осторожничать. А в декабре они были здесь пять дней. И он как начал бегать! Он со мной в прятки уже играл. Он же был такой интересный. Только он ни разу не назвал меня бабушкой. Он не успел просто. Он только говорил «мама», «папа». Просто он еще маленький. Но он бы обязательно сказал. Я хотела проводить его в садик, в школу. Знаете, у Нади идея была: будем делать капсулу времени, положим ему туда его первую игрушку, погремушки, пожелания запишем, а когда ему будет 25 лет, это все достанем и прочтем, покажем ему. Я еще говорила: «До такого времени я не доживу. Ну, знаете, 25 лет». Ну а в школу, думаю, наверняка провожу...

Они собирались ехать в Москву, хотели в Москве жить. Дима хотел увезти их от этой опасности. Но все планы их оказались разрушены. Тут игрушки Герочкины остались. У меня еще внучка есть, она тоже скучает, она не понимает, она не может понять, где Герочка, где ее крестная тетя Надя. А их нет. Но она надеется, что они придут.

Теперь Наталья Викторовна хочет, чтобы из Белгорода уехала ее старшая дочь Светлана со своей семьей. И они действительно собираются в Москву — подальше от обстрелов.

— К сожалению, только теперь мы с ними разговариваем об этом. Да, я очень хочу, чтобы они уехали куда-то в безопасное место. Потому что то, что нам пришлось пережить, это очень тяжело. Очень-очень.

Сама я теперь не смогу никуда уехать. Мне надо ходить сюда — на кладбище.

Да. Вы знаете, у нас там, на Украине, тоже есть родственники, есть знакомые. Я считаю, что не может так быть, чтобы там, в той стране, все желали нам зла. Этого не может быть. Я не верю. Не может такого быть, чтобы просто нормальные люди желали такого нам здесь — вот того, что случилось у нас. И мы тоже им не желаем.

Я не хочу, чтобы там погибали дети. Я желаю всем мира, только мира. Я желаю мира всем. Это единственное пожелание. Чтобы это побыстрее закончилось, чтобы больше никто не погиб из мирных жителей и никто из военных. Чтобы молодые ребята не гибли. Потому что это очень страшно и это большое

горе для близких.

Кадр из документального фильма Анны Артемьевой и Ивана Жилина «Невыносимо громко»

Стоя у могилы, где под одним крестом похоронены Дмитрий, Надежда и Герман, Наталья Викторовна говорит, что приходит и к могилам односельчан, погибших в зоне боевых действий.

— Да, они наши, казацкие, мы их знаем, жалко нам их... Но они хотя бы воевали, они пошли воевать, а мои — пошли погулять, понимаете? Просто пошли погулять... Я не знаю, как с этим жить. Что без маленького делать? Если б хоть он остался... Каждая игрушечка о нем напоминает, каждая...

Она плачет каждый день. В мире нашлась сила, способная дать столько горя, но не нашлось силы, способной его унять.

История III

«В Купянске наша жизнь разрушена, в Белгороде — тоже»

Елизавета и ее мама Ярослава — беженки из Харьковской области. Они уехали в Белгород из Купянска 9 сентября 2022 года, когда, по словам Елизаветы, снаряды начали рваться уже в 100 метрах от их дома. В Россию их вывез муж Ярославы Владимир — он уехал в Белгородчину месяцем ранее, на заработки.

А 30 декабря 2023 года Владимир погиб на руках раненой Ярославы. Его убило осколком на остановке недалеко от Соборной площади.

Даниил, Елизавета, Ярослава и Владимир. Фото: из семейного архива

— Мы с ним жили 11 лет, — **рассказывает Елизавета.** — Он нам с младшим братом, Даниилом, полностью заменил отца. Они познакомились с мамой в 2013 году, когда умер ее брат. И так получилось, что дядя Вова оказался тем человеком, который ее поддержал. Так и зародилась любовь.

К нам, детям, он относился хорошо. Он был очень добрым и спокойным, а еще — справедливым: если происходили в семье какие-то ссоры, то он заранее никогда не выбирал чью-то сторону. Всегда всех выслушивал и только затем говорил, кто прав. И никогда не врал.

Он все делал для семьи. Уже здесь, в Белгороде, мечтал, чтобы у нас был свой дом, чтобы можно было успокоиться и жить дальше. Он бы его сам построил — он строителем был. А теперь — остаются только воспоминания.

Елизавета. Кадр из документального фильма Анны Артемьевой и Ивана Жилина «Невыносимо громко»

В Купянске мы жили как раз в своем доме. Там все было обустроено: ремонт мы сами делали, вместе с дядей Вовой стены в комнатах расписывали.

26 февраля 2022 года пришли военные РФ. Все было тихо.

Поначалу, как и везде, была нехватка товаров, но со временем все наладилось. Город жил, была работа, платили какие-то выплаты. В сентябре должен был пройти референдум, но до этого не дошло. Числа 6-го начались сильные обстрелы. Постоянные. 7-го, 8-го. Мы уехали 9 сентября, а администрация выехала еще раньше. Я бы не хотела много говорить о Купянске, потому что у нас в Украине еще остались родственники — мало ли, как им это отзовется.

В Белгороде нам поначалу все нравилось: он ведь очень похож на Купянск, только побольше. Но тоже — тихий и спокойный. Был.

30 декабря я находилась на работе, когда начался обстрел. Естественно, я все слышала. Начала смотреть новости в telegram, и буквально минут через десять мне позвонил брат. Он сказал, что мама с дядей Вовой — там, в центре. Я позвонила маме, и она уже сказала, что они на остановке и что дяди Вовы больше нет, что он у нее на руках погиб. Что она сама ранена, она даже сначала не поняла — у нее шок был. Ее потом в больницу забрали.

У меня было ужасное состояние. С работы меня, конечно, сразу же отпустили. И вообще должна сказать, что коллеги мне очень помогли. Я хотела поехать туда, к маме в больницу, но таксисты отказывались. Мы с братом нашли попутку: мужчина согласился нам помочь и отвез нас в больницу.

Ярослава. Кадр из документального фильма Анны Артемьевой и Ивана Жилина «Невыносимо громко»

Маму отпустили только 1 января. Потом она ходила к психологу и ей прописали таблетки, чтобы хоть как-то она могла успокоиться.

Сейчас мы думаем, что нужно уезжать из Белгорода, потому что здесь страшно. Но мы не знаем, как это сделать. Конечно, помогла работодатель моя, Вероника: в торговой сети, где я работаю, провели сбор средств. Еще отдельно мы открывали сбор в российском telegram-канале Купянска: тоже люди скидывались, сколько могли. Блогеры помогали. Ну, может быть, тысяч триста мы в сумме собрали. А вот компенсация, которая за гибель, 3 миллиона рублей, мы ее не можем получить, потому что дядя Вова с мамой были в гражданском браке. Хотя эти деньги нам бы очень помогли уехать и где-то, может, ипотеку взять — чтобы уже жить начать все-таки. Ведь в Купянске, получается, наша жизнь разрушена. В Белгороде — разрушена.

И даже на съемную квартиру не съедешь, потому что у нас собака. Это немецкая овчарка, которую мы подарили дяде Воле

на день рождения. Он был очень счастлив, когда ее увидел, и мы не можем теперь ее предать. А с собакой, увы, почти никто сдавать квартиру не хочет. Она, знаете, в каждом мужчине сейчас ищет дядю Вову. Но и она понимает, что он больше не вернется. Мне кажется, я даже видела один раз, что она плакала.

Мне много чего есть сказать об этой ***, но я не буду. Просто в каждой стране есть люди, а есть нелюди. К людям есть сочувствие, жалость. А к тем, кто поступает плохо... Но я не хочу вот про эту политику.

История IV

«Миши нет, а он о нас заботится»

Михаилу Иванкиву было 22 года. Он был студентом 5-го курса Белгородского госуниверситета, работал по специальности — занимался информационной безопасностью, и возглавлял студенческий совет вуза.

Михаил Иванкив . Фото: из семейного архива

Таких, как он, ставят в пример. И есть за что: Михаил не только хорошо учился и уже студентом начал работать, но и организовал в университете клуб настольных игр. Настолки рядами стоят в его комнате и сейчас: «Подземелье», «Котэм», «Мафия» — десятки коробок. Вперемежку с книгами: Каверин, Гете, Хаксли, Дюма-старший, Оруэлл.

В семье он был долгожданным ребенком. Его папа, Юрий Иванкив, говорит, что они с женой надеялись на рождение сына больше 10 лет. И вложили в него все лучшие качества:

целеустремленность, непримирение со злом, смелость. Юрий признает, что не считает себя соответствующим этим идеалам, и замечает, что незадолго до гибели сына сказал ему: «Миша, ты уже лучше меня».

Юрий Иванкив. Кадр из документального фильма Анны Артемьевой и Ивана Жилина «Невыносимо громко»

В тот день, 30 декабря, Михаил пошел в магазин, чтобы купить подарки родителям и своей девушке Юлии. Они учились с ней в одном вузе, планировали начать жить вместе, а через три года — переехать в Москву. Но в 15.10 начался обстрел, а Михаил оказался в самом центре города...

— 30 декабря мы с ним встали, и мне нужно было убраться дома, потому что праздновать решили у меня. А Миша отправился за подарками, — вспоминает Юлия. — Он мне позвонил минут за 20 до того, как стало громко, и сказал, что стоит в очереди. Сказал, что в магазинах очень много людей и что, может быть, он заедет еще в «Мегагринн». Потом были громкие звуки, я отсиделась в ванной, а когда вышла — мне позвонил Юрий Петрович, его папа, и сказал, что Миша не отвечает на звонки.

— Тот день был такой прекрасный, солнечный. Тепло было так, что я даже не верил, что завтра 31 декабря, — говорит Юрий. — Мы сели обедать, и вдруг начались выстрелы из ПВО и очень много взрывов. Лена, моя супруга, зашла в telegram и говорит:

«По Соборной площади попали. Вроде сразу двое погибших...»
Это меня насторожило, потому что Миша должен был там идти.
Я сразу позвонил ему. Он не брал трубку.

Юля. Кадр из документального фильма Анны Артемьевой и Ивана Жилина «Невыносимо громко»

Юлия сначала успокоила звонившего отца: она и правда думала, что Михаил в «Мегагринне» — это торговый центр, находящийся на севере города — в относительно безопасном по белгородским меркам районе. Потом сама стала ему звонить, потом — побежала по ближайшим к дому магазинам. Но Михаила нигде не было. Юрий Петрович в это время поехал в «Мегагринн», по пути всматриваясь в окна автобусов и в лица людей на остановках.

— В какой-то момент я начала думать, что, может быть, Миша в укрытии, в бункере, где связь не ловит. Вернулась домой. Звонила. Он все еще не отвечал. И вдруг я расплакалась, — вспоминает Юлия. — Через некоторое время мне позвонил Юрий Петрович и сказал, что Миша в больнице.

— Я звонил и звонил ему. Ругался на него про себя. Думал: «Что

ж ты телефон в рюкзак куда-то положил и не слышишь?..» И собрался уже домой: надеялся, что он проскочил в автобусе мимо. В машине я снова его набрал. И вдруг услышал ответ:

«Алло, кто это?» И сразу все понял. Я сразу понял, почему трубку взял другой человек... Только сказал, что я папа Миши и спросил: «Он ранен? Сильно?» И мне ответили: «Да. Все очень плохо».

Юрий мчал сквозь город в больницу, нарушая все правила. Туда же после его звонка бежала и Юлия.

— Мы заглядывали в окна и смотрели на каталки, — рассказывает девушка. — Смотрели и думали: «Может быть, Миша будет». Но нам охранник сказал, что это те, кого только-только привозят, а те, кого привезли раньше, — на втором этаже, в реанимации. В какой-то момент вышла врач. Мы спросили ее, поступал ли Иванкив и как он? Она сказала, что привезли Иванова, что ему 33 года, хотя выглядит он очень молодо, и что ему ампутируют ноги. Я подумала, что у Миши ведь были с собой документы, и, значит, это не он. Но это оказался он. Оказалось, что в карете скорой он сказал врачам, что ему 33 года и что родился он 30 января... Видимо, Миша уже был в бреду.

Михаил Иванкив погиб в 23.30 30 декабря в больнице от потери крови.

— Мы говорили, мы с ним много говорили об этой ***. Что ничего хорошего нет. Гибнут люди, солдаты на той и на другой стороне. Страшно, что мирные гибнут. Это очень, это очень страшно. Видите как? Я говорил ему: «Миша, давай уедем?»

Давай я увезу тебя в Москву». Он сказал: «Папа, нет, я останусь в Белгороде». Конечно, конечно, я виню себя в том, что я не увез его... Все время, проведенное с сыном, я вспоминаю с теплотой.

Кадр из документального фильма Анны Артемьевой и Ивана Жилина «Невыносимо громко»

Наверное, я ему миллион раз за жизнь сказал слово «люблю». И думаю, что все равно мало. Я хотел бы сказать, что надо говорить детям, что вы их любите. Это необходимо. Потому что любовь — это Бог.

Миша всегда старался нас удивить. Он был очень заботливый. Я ему часто говорил, что он иногда наивный — такой, знаете, открытый, еще не испорченный жизненным опытом. И он нас удивил даже после гибели: к нам пришли люди помянуть его, а на кухне — не хватало столовых приборов, и Юля поднялась к нему в комнату и спустилась с набором — оказалось, это был его подарок нам на Новый год. Вот так: его уже нет, а он о нас

заботится.

— Я не знаю других людей, чьи близкие погибли, но я хотела бы сказать, что очень сильно хочу поддержать их. Я знаю, как это тяжело, как больно. Первые дни после того, как ты теряешь человека, ты находишься в каком-то трансе и вообще не понимаешь, что происходит. Я не знаю, что сказать. Пройдет ли это... Нет, не проходит. Станет ли легче? Да нет, станет по-другому. Просто нужно понимать, наверное, что человек, который погиб, он наверняка хочет, чтобы его родные люди продолжали жить дальше. Продолжали радоваться, насколько это возможно. Старались смириться, — говорит Юлия, и, сидя напротив, я думаю, что в 22 года никто не должен хоронить любимых людей.

Шебекино. Кадр из документального фильма Анны Артемьевой и Ивана Жилина «Невыносимо громко»

История V

«Мы благодарны Путину»

Шебекино — районный центр на самой границе: всего в 10

километрах от него стоит украинский Волчанск. Здесь еще страшнее, чем в Белгороде. Окна магазинов заложены мешками. В самом центре — гигантский плакат и инсталляция с одинаковыми надписями: «Шебекино не склоняется». Тяжелые выстрелы слышатся постоянно, а редкое затишье не длится более 10 минут. Тем не менее в Шебекино все еще живет несколько тысяч человек.

Улица Щорса, одна из крайних в городе, тоже жилая. Кроме, кажется, всего одного дома, в котором 10 октября 2022 года погибла 76-летняя Нина Дьяченко.

Нина Дьяченко. Фото: из семейного архива

Кадр из документального фильма Анны Артемьевой и Ивана Жилина «Невыносимо громко»

Зеленые стены испещрены следами осколков. Одна из дыр — сквозная. Крыша пробита.

— В этом доме прошло наше с сестрой детство, — рассказывает учитель начальных классов шебекинской школы № 6 Валентина Сиваторова. Ее сестра Галина стоит во дворе, где и погибла их мама. — Буквально за этим лесом, — Валентина показывает на растущие метрах в 300 от их дома посадки, — уже граница Украины. И вот оттуда прилетели снаряды 125-го калибра. И попали прямо к нам. От палисадника, от калитки ничего не осталось. Дерево во дворе все посекло. И маму убило.

Это произошло около 10 часов 10 минут утра. А за 25 минут до этого Валентина позвонила маме.

— Я старалась никогда не звонить ей с самого утра. Потому что все же человек пожилой: пока проснется, пока приведет себя в порядок. А тут что-то екнуло и я набрала. У нее все было хорошо, она собиралась пить чай. Я сказала ей, что скоро приеду: уроки закончу только и приеду. А она попросила не приезжать.

Ливень был сильный, и она сказала: «Не надо тебе в такой дождь ко мне ехать». И вот уже через несколько минут ее не стало. Я корю себя за то, что не позвонила чуть-чуть позже: телефон у мамы находился в комнате, которую не пробило снарядами. И если бы она тогда говорила со мной, она бы не погибла. Но я позвонила в 9.45. Я никогда не забуду день накануне ее гибели. Мы были здесь всей семьей: я, мой муж и мой внук.

И мама в тот день много раз мне сказала: «Не берите сюда мальчика, не привозите Владика. Валя, ты же видишь, как здесь шумно». И на прощание попросила о том же. Как будто бы чувствовала.

Нина Дьяченко была простой советской женщиной. Работала в колхозе. Дочери говорят о ней так:

— Ну что можно сказать о своей маме? Для каждого ребенка она — самая лучшая и самая добрая. И наша мама была именно такой. Она жила ради детей и внуков.

— Мама с папой были очень трудолюбивые, у них всегда было по две-три коровы. Никогда ни у кого ничего не просили — только на себя надеялись. И я просто запомнила, что мама всегда на лавочке перед домом сидела и нас встречала, когда мы должны были приехать. А теперь нас никто не встречает.

— Если бы она умерла от инсульта — мы бы хоть как-то были настроены. А сейчас-то мы думаем, что она могла жить... Мне страшно представлять, как она лежала после тех выстрелов, и я всегда думаю: «Мамочка, дай бог, чтобы ты не чувствовала тогда никакой боли».

— Я часто ложусь и думаю: вот мама приснится, я спрошу ее, как все случилось. Как она оказалась на улице? Почему она в ливень туда вышла? Я не могу этого понять.

Сестры Валентина и Галина. Кадр из документального фильма Анны Артемьевой и Ивана Жилина «Невыносимо громко»

Взамен разрушенного дома в Шебекино Валентине и Галине дали квартиру в Белгороде. За гибель мамы — выплатили компенсацию.

— Мы очень благодарны Путину, что нас никто в тот момент не бросил. И губернатор молодец, и глава города Жданов. Мы благодарны, что не было так, как в Великую Отечественную, когда люди гибли везде и каждый оставался сам со своей бедой. Потому что к нам все приехали, помогли похоронить. Нас очень хорошо поддержали. Мы когда в ритуальный магазин приехали, нам сказали: «Берите, что хотите, выбирайте венки за любую цену». Поминки нам оплатили. Да, конечно, обидно, что мама погибла. На душе осадок, но... так сложилось. Конечно, мы плачем. Но уже все произошло.

Здесь винить кого? Здесь винить некого. Да, идет ***. И может, не случись этого 24 февраля, нас бы никого не было в живых. Шебекино не было бы. Поэтому мы молимся за наших ребят.

Стрельба, чего уж, каждый день у нас. Но это ведь не скрывают: говорят про прилеты. И губернатор, и глава наш — они прямо дают информацию об обстрелах. Ну да, нам не повезло, потому что мы живем в приграничье. Ну не повезло нам! Кто может — уезжают. У нас денег нет, чтобы собраться и уехать. Да и работа у нас здесь, и все.

Шебекинцы по звуку отличают те выстрелы и взрывы, которые несут реальную угрозу. И мы прерываем разговор, когда Галина говорит: «Надо бы идти, ребят. Сильно стреляют». Стены и без того разрушенного дома ходят ходуном. Где-то на земле слышны громкие и тяжелые выстрелы. Мы запрыгиваем в машину и мчим сначала в центр города, а затем — и в сторону Белгорода.

Выдохнуть получается, лишь отъехав за 25 километров от приграничного города.

Галина и Валентина остаются там, где каждый день обстрелы. Просто потому, что им «не повезло».

P.S.   **Посвящается всем мирным людям, погибшим в ходе боевых действий.**

Благодарим журналистку Екатерину Лобановскую за помощь в подготовке этого материала.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[«Не всё мы выбираем»](#)

Выборы в Белгороде, увиденные корреспондентом «Новой»: пустой город и высокая явка, полдень воскресенья, взрывы и гибель людей

12:26, 18 марта 2024, Иван Жилин